

Первая мировая война в художественной литературе

*Книги из фонда отдела
художественной
литературы*

*«С того часа, как оружием стали самолет и иприт,
война сделалась просто бойней. Победа достается
тому, кто сгниет последним. И оба противника гниют
заживо.»*

(Антуан де Сент-Экзюпери «Планета людей»)

19 июля (1 августа по новому стилю) 1914 года грянула Первая мировая война. По воспоминаниям Виктора Шкловского: «Её все ждали, и все в неё не верили. Иногда допускали, что она произойдёт, но были уверены, что продолжится она три месяца».

События нарастали быстро и угрожающе. В ответ на объявленную Николаем II всеобщую мобилизацию Германия объявила России войну. Петербург охватило патриотическое безумие. Тысячи людей вышли на Дворцовую площадь с флагами, иконами и царскими портретами.

Но вскоре лицо объявленного на военном положении Петрограда резко изменилось. Первое же дыхание войны сдуло румяна со щек.

Русская столица прощалась с XIX веком:

«Оттого, что по всем дорогам,
Оттого, что ко всем порогам
Приближалась медленно тень,
Ветер рвал со стены афиши,
Дым плясал вприсядку на крыше
И кладбищем пахла сирень.
И всегда в темноте морозной,
Предвоенной, блудной и грозной,
Жил какой-то будущий гул,
Но тогда он был слышен глуше,
Он почти не тревожил души
И в сугробах невских тонул.
Словно в зеркале страшной ночи
И беснуется и не хочет
Узнавать себя человек,
А по набережной легендарной
Приближался не календарный –
Настоящий Двадцатый Век.»

А. Ахматова

*Николай Гумилев
Анна Ахматова*

Николай Гумилев записался в кавалерию, воевал бесстрашно и умело: «и Святой Георгий тронул дважды пулею не тронутую грудь». «Просветленный и экзальтированный» патриотизм Гумилева изливался в стихах:

«Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня.
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.
Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.»

«Идущие с песней в бой,
Без страха — в свинцовый дождь.
Вас Георгий ведёт святой —
Крылатый и мудрый вождь.
Пылающий меч разит
Средь ужаса и огня.
И звонок топот копыт
Его снегового коня...
Он тоже песню поёт —
В ней слава и торжество.
И те, кто в битве падёт,
Услышат песню его.
Услышат в последний час
Громовый голос побед.
Зрачками тускнеющих глаз
Блеснёт немеркнущий свет!»

«Самозабвенность ахматовской «Молитвы» сначала эпатирует, а затем ужасает. Это действительно страшные стихи. Никто из восторгавшихся ими в годы Первой мировой войны, ни даже их автор не знали – не догадывались – о том, с какой беспощадностью и полнотой жертва, предложенная Ахматовой, будет принята.

МОЛИТВА

«Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар —
Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.»

А. Ахматова

Э. Нольде

ИЮЛЬ 1914

*Анна Ахматова
20 июля 1914*

1
Пахнет гарью. Четыре недели
Торф сухой по болотам горит.
Даже птицы сегодня не пели,
И осина уже не дрожит.
Стало солнце немилостью Божьей,
Дождик с Пасхи полей не кропил.
Приходил одноногий прохожий
И один на дворе говорил:
«Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затмения небесных светил.
Только нашей земли не разделит
На потеху себе супостат:
Богородица белый расстелет
Над скорбями великими плат».

2
Можжевельника запах сладкий
От горящих лесов летит.
Над ребятами стонут солдатки,
Вдовый плач по деревне звенит.
Не напрасно молебны
служились,
О дожде тосковала земля!
Красной влагой тепло
окропились
Затоптанные поля.
Низко, низко небо пустое,
И голос молящего тих:
«Ранят тело твое пресвятое,
Мечут жребий о ризах твоих».

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забывать не в силах ничего.
Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.
Есть немота — то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.
И пусть над нашим смертным ложем
Взовьется с криком воронье, —
Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят царствие твое!

8 сентября 1914

Александр Блок

«Петроградское небо мутилось дождем,
На войну уходил эшелон.
Без конца — взвод за взводом и штык за штыком
Наполнял за вагоном вагон.
В этом поезде тысячью жизней цвели
Боль разлуки, тревоги любви,
Сила, юность, надежда... В закатной дали
Были дымные тучи в крови.
И, садясь, запевали Варяга одни,
А другие — не в лад — Ермака,
И кричали ура, и шутили они,
И тихонько крестилась рука.»

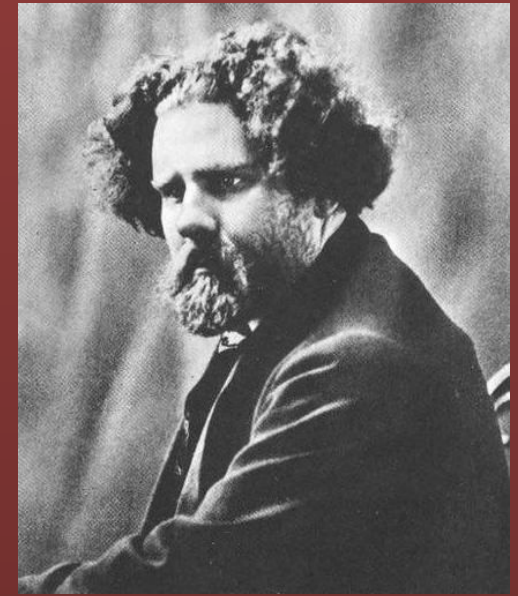
«В Петрополе прозрачном мы умрем,
Где властвует над нами Прозерпина.
Мы в каждом вздохе смертный воздух пьем,
И каждый час нам смертная година.»

Богиня моря, грозная Афина,
Сними могучий каменный шелом.
В Петрополе прозрачном мы умрем,-
Здесь царствуешь не ты, а Прозерпина.»

О. Мандельштам 1916

Отношение Волошина к войне не имеет аналогов. Если во время гражданской войны он стоит не над всеми, а между враждующих лагерей, то еще сложнее его стремление во время всемирной войны остаться человеком Европы, больше – человеком мира, в обоих смыслах слова мир.

«А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.»

Максимилиан Волошин

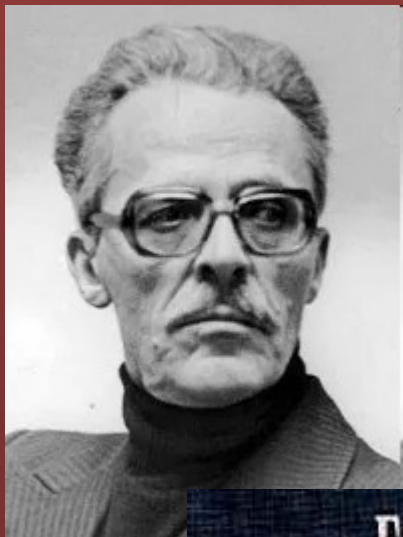
«Я отказываюсь быть солдатом, как Европейец, как художник, как поэт: как Европейец, несущий в себе сознание единства и неразделимости христианской культуры, я не могу принять участия в братоубийственной и междоусобной войне <...> Как художник <...> я не могу принять участия в деле разрушения форм, и в том числе самой совершенной – храма человеческого тела <...> Как поэт, я не имею права подымать меч, раз мне дано Слово, и принимать участие в раздоре, раз мой долг – понимание».

Газеты

«Я пробегаю жадным взглядом
Вестей горючих письма,
Чтоб душу влажную от сна
С утра ожечь ползучим ядом.
Ложь завлакивает мозг
Тягучей дремой хлороформа
И зыбкой правды полуформа
Течет и лепится, как воск.
И, гнилостной пронизан дрожью,
Томлюсь и чувствую в тиши,
Как, обезболенному ложью,
Мне вырезают часть души.
Не знать, не слышать и не видеть...
Застыть как соль... уйти в снега...
Дозволь не разлюбить врага
И брата не возненавидеть!»

Отто Дикс

«Прошло много лет и много войн, было зачато множество новых жизней и завершено множество молодых; мир вертелся, как вертелся всегда, миллионы и миллионы лет, и только самая громадная страна этого мира — скорее, не страна, а часть света — рванулась вдруг из этого размеренного, равномерного вращения, позабыв о великом Законе Инерции. И вздыбилась гигантской плитой вопреки всему и вся, круша людей и скотов, народы и страны, города и деревни, церкви и веру, семьи и сострадание, милосердие и благоразумие. За считанные годы одна из богатейших стран мира стала нищенкой, в безумном угаре промотав состояние, нажитое тысячелетним недоеданием всего народа, и жизнь опять началась с нуля.»

«Дом, который построил Дед»

Михаил Шолохов «Тихий Дон»

«А было так: столкнулись на поле смерти люди, еще не успевшие наломать рук на уничтожение себе подобных, в объявшем их животном ужасе натыкались, сшибались, наносили слепые удары, уродовали себя и лошадей и разбежались; вспугнутые выстрелом, убившим человека, разъехались, нравственно искалеченные. Это называли подвигом.»

«И сколько ни будут простоволосые казачки выбегать на проулки и глядеть из-под ладоней - не дожждаться милых сердцу! Сколько ни будет из опухших и выцветших глаз ручиться слез - не замыть тоски! Сколько ни будут они голосить в дни годовщины и поминок - не донесет восточный ветер криков их до Галиции и Восточной Пруссии, до осевших холмиков братских могил!

Травой зарастают могилы - давностью зарастает боль. Ветер зализал следы ушедших - время залижет и кровяную боль и память тех, кто не дождался родимых и не дождетя, потому что коротка человеческая жизнь и не много всем нам суждено истоптать травы...»

А. Толстой «Хождение по мукам»

Читатели о книге:

«Монументальная, мощная вещь. И не в идеологии дело, не в подробных описаниях военных действий, не в переживании за наших-не наших, не в мучительном перерождении человека слабого и ничтожного в самодостаточную и цельную личность.

Дело в сокрушительной слепой силе, перед которой человек - былинка, подхваченная ураганом. Это время, революция, война, смерть, любовь. Кто ты был до, кем стал после, куда идёшь. И можешь ли идти - или тебя просто подхватило и кружит, бьёт о каменистые берега истории.»

Валентин Пикуль «Моонзунд»

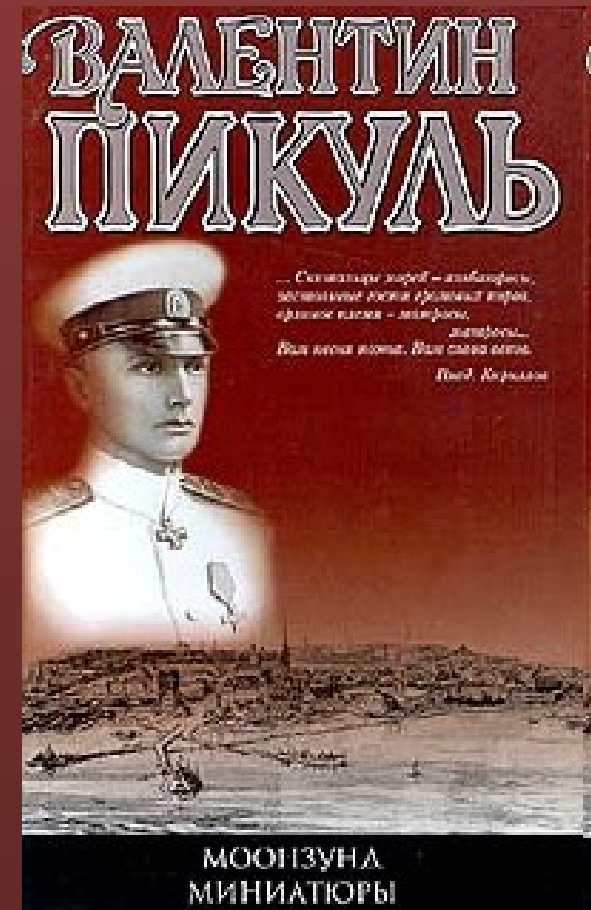
... Первая мировая.

Канун революции. Страшное для нашей страны время...

И - легенда о Балтийском флоте, совершавшем чудеса героизма в неравных боях с германской армией за Моонзунд. Легенда об отваге офицеров - и почти самоубийственном мужестве простых моряков!..

Одна из самых сильных, жестких и многогранных книг В. Пикуля.

Книга, захватывающая с первой страницы - и держащая в напряжении до страницы последней!..

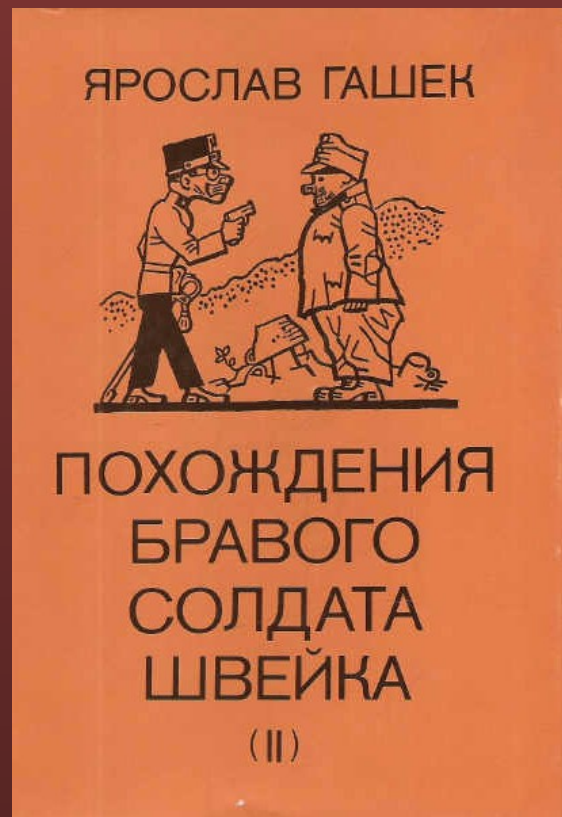
"Похождения бравого солдата Швейка" - самое популярное произведение чешской литературы, переведенное почти на все языки мира. Великий, оригинальный и хулиганский роман. Книга, которую можно воспринять и как "солдатскую байку", и как классическое произведение, непосредственно связанное с традициями Возрождения.

Это искрометный текст, над которым смеешься до слез, и мощный призыв "сложить оружие", и одно из самых объективных исторических свидетельств в сатирической литературе.

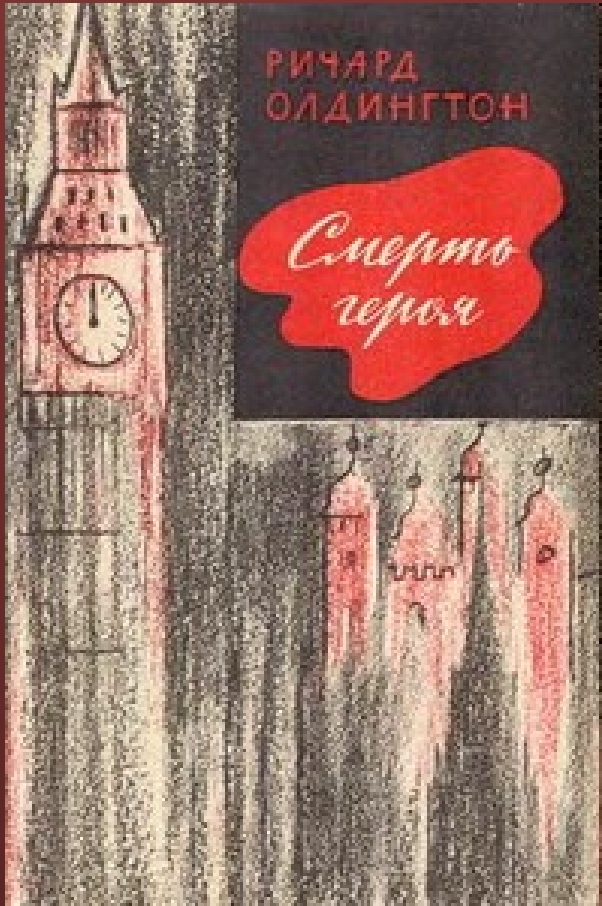
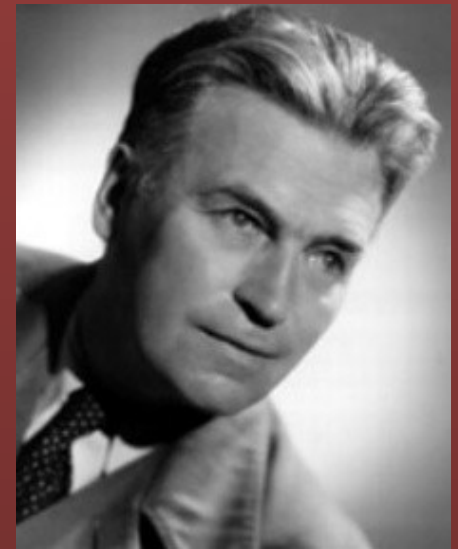
«Книга-восторг! Очень смешная история про маленького человека в большой войне.

Сопереживая Швейку, ни на минуту не забываешь, что вокруг война и это - чудовищная трагедия человечества.

Поэтому книга - смех сквозь слезы.»

Ричард Олдингтон был участником Первой мировой войны. В 1916 году он начал службу рядовым, был прикомандирован к Royal Sussex Regiment, позже был произведён в офицеры и служил на Западном фронте.

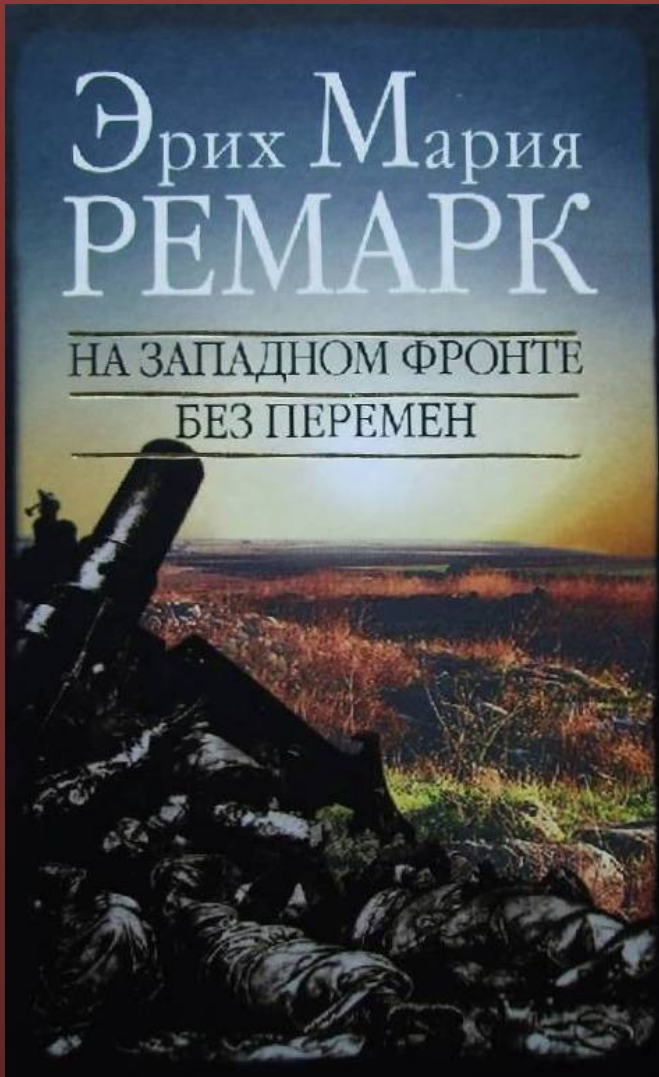
В 1917 году он был ранен и лечился в госпитале. Война резко изменила мироощущение Олдингтона, наложив отпечаток суровой горечи и безнадёжности на всё его дальнейшее творчество. Написанная в эти годы книга стихов *Images of War* считается одной из лучших книг в истории англоязычной поэзии. После войны Олдингтон страдал от малоизученного в те годы посттравматического стресса.

«Вы – военное поколение. Вы рождены для того, чтобы сражаться в этой войне, ее нужно выиграть – и вы ее выиграте, это мы твердо решили. Что до каждого из вас в отдельности – не имеет ни малейшего значения, будете вы убиты или нет. Вероятнее всего, вас убьют, – во всяком случае, большинство. Советую заранее с этим примириться».

«Вы, кто пал в этой войне, я знаю: вы погибли напрасно, вы погибли ни за что, за порыв ветра, во имя пустой болтовни, во имя идиотского вздора, газетной лжи и воинственной наглости политиков.»

Иллюстрация Г. Г. Филипковского к роману Р. Олдингтона «Смерть героя»

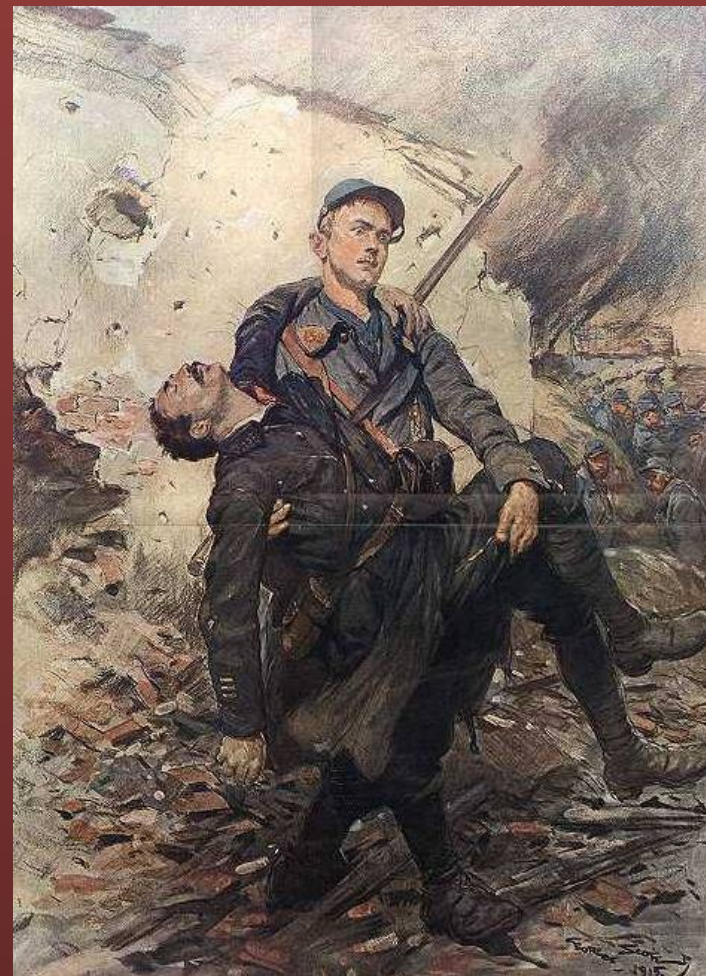

«Он был убит в октябре 1918 года, в один из тех дней, когда на всем фронте было так тихо и спокойно, что военные сводки состояли из одной только фразы: "На Западном фронте без перемен".»

"Мы не дали себя сломить, мы приспособились; в этом нам помогли наши двадцать лет, из-за которых многое другое было для нас так трудно. Но самое главное это то, что в нас проснулось сильное, всегда готовое претвориться в действие чувство взаимной спаянности; и впоследствии, когда мы попали на фронт; оно переросло в единственно хорошее, что породила война, - в товарищество!»

«Прости меня, товарищ ! Мы всегда слишком поздно прозреваем.

Ах, если б нам почаще говорили, что вы такие же несчастные маленькие люди, как и мы, что вашим матерям так же страшно за своих сыновей, как и нашим, и что мы с вами одинаково боимся смерти, одинаково умираем и одинаково страдаем от боли! Прости меня, товарищ: как мог ты быть моим врагом? Если бы мы бросили наше оружие и сняли наши солдатские куртки, ты бы мог быть мне братом, - точно так же, как Кат и Альберт. Возьми от меня двадцать лет жизни, товарищ, и встань. Возьми больше, - я не знаю, что мне теперь с ней делать!»

Жорж Скотт (1873-1943)

«Сколько все-таки горя и тоски уместается в двух таких маленьких пятнышках, которые можно прикрыть одним пальцем, — в человеческих глазах.»

Жорж Скотт (1873-1943)

«- Я знаю, что война - страшная вещь, но мы должны ее довести до конца.

- Конца нет. Война не имеет конца.... Войну не выигрывают победами.»

«Люди не представляют, что такое война во Франции. Если бы они представляли, это не могло бы продолжаться.»

«Страшнее войны ничего нет. Мы тут в санитарных частях даже не можем понять, какая это страшная штука - война. А те кто поймет, как это страшно, те уже не могут помешать этому, потому что сходят с ума.»

Жорж Скотт (1873-1943)

Эрнест Хемингуэй «Прощай, оружие!»

«Меня всегда приводят в смущение слова «священный», «славный», «жертва» и выражение «совершилось». Мы слышали их иногда, стоя под дождем, на таком расстоянии, что только отдельные выкрики долетали до нас, и читали их на плакатах, которые расклейщики, бывало, нашлепывали поверх других плакатов; но ничего священного я не видел, и то, что считалось славным, не заслуживало славы, и жертвы очень напоминали чикагские бойни, только мясо здесь просто зарывали в землю.

Было много таких слов, которые уже противно было слушать, и в конце концов только названия мест сохранили достоинство. Некоторые номера тоже сохранили его, и некоторые даты, и только их и названия мест можно было еще произносить с каким-то значением. Абстрактные слова, такие, как «слава», «подвиг», «доблесть» или «святыня», были непристойны рядом с конкретными названиями деревень, номерами дорог, названиями рек, номерами полков и датами.»

«Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат,
Кто б ты ни был, не падай душой.

Пусть неправда и зло полновластно царят
Над омытой слезами землей,
Пусть разбит и поруган святой идеал
И струится невинная кровь,-
Верь: настанет пора - и погибнет Ваал,
И вернется на землю любовь!

О мой друг! Не мечта этот светлый приход,
Не пустая надежда одна:

Оглянись,- зло вокруг чересчур уж гнетет,
Ночь вокруг чересчур уж темна!

Мир устанет от мук, захлебнется в крови,
Утомится безумной борьбой -

И поднимет к любви, к беззаветной любви,
Очи, полные скорбной мольбой!..»

Семен Надсон 1880

